

А.И. Куляпин

**Между собакой и волком:
зооморфный код в прозе Е. Замятина**

В «Автобиографии» (1928 г.) наряду с важнейшими событиями своей жизни Замятин упоминает об одном довольно рискованном эксперименте. «Помню: классе в 7-м, весной, меня укусила бешеная собака. Взял какой-то лечебник, прочитал, что первый, обычный срок, когда появляются признаки бешенства, – две недели. И решил выждать этот срок: сбещусь или нет? – чтобы испытать судьбу и себя» [1, с. 38]. Можно с уверенностью говорить о тесной связи опасного опыта над собой с основополагающими мировоззренческими установками молодого Замятина. В нем уже узнается будущий защитник «безумцев, отшельников, еретиков, мечтателей, бунтарей, скептиков» [2, с. 411].

В замятинской прозе грань, отделяющая мир людей от мира животных, очень тонка и легко проницаема. Показательно в этом отношении рассуждение капитана Нечесы из повести «На куличках». Он лечит солдат по рецептам «Домашнего скотолечебника», мотивируя это так: «...Велика ли разница? Устройство одно, что у человека, что у скотины» [1, с. 175].

Центральной в творчестве писателя стала тема регресса человека («На куличках», «Алатырь», «Пещера» и др.) «Умирает человек. Гордый *хомо еректус* становится на четвереньки, обрастает клыками и шерстью, в человеке побеждает зверь», – пишет Замятин в статье «Завтра» [2, с. 408]. Но и обратный процесс – очеловечивание зверя – также неоднократно привлекает его внимание («Глаза», «Сподручница грешных», «Бич божий» и др.).

В качестве зооморфных двойников своих героев писатель выбирает самых разных животных: кошку, птицу (в статье «Закулисы» Замятин писал, что в рассказе «Наводнение» «Софья – и птица, Ганька – и кошка» – это главные «зрительные лейтмотивы». Каждый такой зрительный лейтмотив – то же, что фокус лучей в оптике: здесь в одной точке пересекаются образы, связанные с данным человеком» [2, с. 469]), образы оленя (рыжая Пелька и «рыжий олень» из рассказа «Север»), обезьяны (Басс и его ручная обезьяна из романа «Бич божий») и др. Однако чаще всего он обращается к образам собаки и волка.

Известно, что собака и волк, как правило, символизируют в литературных текстах обособленность человека от общества, меняются лишь оценка и мотивировка этой обособленности. Второй круг устойчивых семантических ассоциаций вокруг собаки и волка – inferнальный: они сближаются с дьявольскими силами, акцентируется их причастность к царству мертвых. Замятин широко пользуется поливалентностью символики указанных образов.

Превращение героя «Уездного» в изгоя дублируется метафорическим и буквальным уподоблением его собакам и волку. Полностью разорвавший связь с социумом, изгнанный из «рая» родного дома Барыба действительно ведет собачий образ жизни: «Ох, и осточертело же с собаками голодными жить на балкашинском дворе! Зачиврел, зачерствел Барыба, оброс, почернел; от худобы еще жестче углами выперли челюсти и скулы, еще тяжелей, четырехугольной стало лицо. Убежать бы от собачьей жизни» («С собаками») [1, с. 47]. Утрата героем Замятина всего человеческого, «победа зверя» подчеркнута через набор «волчьих» метафор: «сидит Барыба голодный и волчьими, завистливыми глазами глядит на собак»; «Барыба – прыжками волчиными – в закутку к себе, в солому, и лежит» [1, с. 47].

Тенденция к обогащению «волчье-собачей» тематики за счет inferнальных мотивов и стремление писателя развернуть метафору в картину полноценной метаморфозы человека в зверя обнаруживаются в «Алатыре» и «На куличках». Пробуждение в поручике Тихмене «лохматого «Я», «собачьего Тихменя», «нечистой силы», вполне типичное для произведения Замятина, рисуется в повести «На куличках» как следствие помрачения сознания героя, но в то же время автор во многом объективирует этот процесс. Замятинский герой уже на пороге физической метаморфозы: «Собачий Тихмень молвил: «А ведь капитан Нечеса остался дома один теперь, да-с...» И с присутствием ему собачьим нюхом отыскал какую-то, человеку невидную, тропку, побежал – и закрытил, и зарыскал по ней. Долго кружил и вдруг – стоп, нашел, вынюхал» («Нечистая сила») [1, с. 174–175].

В духе сологубовского «Мелкого беса» решена тема оборотничества в повести «Алатырь». Вначале inferнальную природу Варвары распознает лишь полубезумный отец Петр: «Когда подходила Варвара – глаз не открывая, спрашивал протопоп: «Это ты, Собачья?» – и явственно видел у Варвары зубы – злые, собачьи, черно-синюю шерсть» («Молитва») [1, с. 212]. Однако финал повести вносит в характеристику героини элемент шокирующей двусмысленности. Пародируя в сцене свидания на катке («Святочные происшествия») одновременно несколько символистских текстов, Замятин предлагает свой вариант мифа о преображении человека и мира. Князь Вадобольский оборачивается «князем мира сего, дьяволом», а влюбленная в него протопоповна – собакой. Варвара поджидает князя возле «конурки, вроде собачьей», в портрете героини выделены детали, фиксирующие начало процесса трансформации: «Черно-синие космы волос, собачьи глаза». Метафора максимально приближена к метаморфозе в эпизоде драки с другой претенденткой на руку и сердце князя – Глафирой: «...Поцапались за князя, ну и бесстыжие, а? Клубком завились, по катку покатались, ну, срамота-а! Варька, Собачья-то, в кровь искусаила исправникову. Вот он – князь мира-то сего, дьявол-то!» [1, с. 226].

Симптоматично использование в «Алатыре» уже упомянутой нами автобиографической детали. Сторожа Ипата когда-то «собака бешеная укусила». «Вылечиться – хоть вылечился Ипат, но по сию пору считался опасен, и рисковала держать его только казна» [1, с. 226]. Знаком отверженности героя становится приставка «бешеный» к его имени. Но именно Ипат сохраняет в себе человеческого больше, чем кто-либо из алатырцев.

Революционные события по вполне понятным причинам, с одной стороны, стимулировали более активное обращение писателей к мотиву «озверения» человека, а, с другой стороны, повлияли на широкое распространение концепции «изменения человеческой природы». В разработку каждой из указанных тем Замятин внес значительный вклад.

Его «Глаза» (1917) – это почти аллегорический текст о пробуждении сверхчеловеческого («я знаю: ты – древняя, мудрая, мудрее нас» [1, с. 319]) в существе бессловесном, забитом, рабски преданном хозяину. Рассказ легко читывается прежде всего в контексте социально-политических событий того времени, когда он был написан.

В «Сподручнице грешных» один из первых рецензентов рассказа А. Неверов также уви-

дел «иносказание»: «Вот: «про какую-то собаку генеральскую, про Серафима Саровского. Напакостила собака на паперти, а он, батюшка, жезлом своим святительским тут же на паперти ее и пригвоздил». Собака – это не суть собака. Только присказка. <...> Пришли мужики убивать игуменью, а она их «пригвоздила» любовью, да лаской, как Серафим – собаку, напакотившую на паперти» [3, с. 545]. Ошибка в интерпретации рассказа, допущенная А. Неверовым, высвечивает идейные приоритеты эпохи едва ли не лучше, чем сам текст замятинского произведения. По формулировке критика даже «любовью, да лаской» «пригвождают». Рецензента принципиально не устраивает та очевидная альтернатива насилью как средству «переделки» человека, которую предлагает Замятин. Довольно очевидно ситуацию чудесного спасения игуменьи предваряет другой сюжет с участием собаки: «А вот тоже в Нил-Столбенском скиту кобель причастие проглотил, и в ту пору ж у кобеля – морда человека, и говорит кобель тот самый...» [1, с. 336].

Рассказы «Глаза» и «Сподручница грешных» стали важнейшими претекстами булгаковского «Собачьего сердца», где профессор Преображенский совершенно «по-замятински» противопоставляет ласку – единственный способ, «который возможен в обращении с живым существом» [4, с. 129], террору. Булгаков, впрочем, не разделяет оптимистической веры Замятина в возможность «улучшения человеческой породы», о чем и свидетельствует крах эксперимента Преображенского.

Неприятие террора в качестве основного инструмента преобразования человека отличает позицию Замятина от ортодоксально советской, однако признание необходимости преодоления человеческого во имя сверхчеловеческого (см., например, мотив рождения «новых, огненных существ» в «Рассказе о самом главном») делает его выразителем революционно-утопических стереотипов своего времени.

В позднем творчестве Замятина символика волка и собаки обретает историософскую перспективу. Через зооморфные образы писатель моделирует процесс деградации культуры. В обыденных представлениях собака – это выродившийся волк. Таким выродившимся волком предстает Римская империя на страницах романа Замятина «Бич божий».

Образ волка – один из самых популярных в древнеримской мифологии. Волчицей был вскормлен основатель Рима Ромул. Волку посвящался ритуал волчьего праздника – луперкалий. «Волкам приписывались различные

чудесные и магические свойства <...>» [5, с. 381]. Неудивительно, что метафорическое уподобление Рима волку стало в литературе общим местом (см., например, «Рим» («Волчица с пастью кровавой...») Н. Гумилева).

В замятинском романе римлян именуют «собаками». «Здесь вокруг тебя собаки, помни это», – говорит хун Адолб Атилле, оказавшемуся во дворце императора Гонория [2, с. 269]. Наблюдая за «одинаково улыбающимися» сенаторами, Атилла вспоминает, «как улыбались собаки отца, когда он бросал им мясо» [2, с. 266]. Умирающей европейской цивилизации противостоят идущие с востока варварские племена: «О них знали, что они живут совсем по-другому, чем все здесь, в Европе, что у них зимой все белое от снега, что они

ходят в шубах из овчины, что они убивают у себя на улицах волков – и сами как волки» [2, с. 251]. Alter ego Атиллы – запертый в клетку волк. В Риме он единственный собеседник юного хуна: «Атилла приносил волку мясо и говорил ему то, что ему нужно было сказать вслух и что он не мог держать запертым в себе. Больше ему не с кем было так говорить, он был один» [2, с. 280]. Выпущенный Атиллою на свободу волк убивает щенка императора Гонория, но и сам гибнет в схватке с воином-аллеманом.

Хотя «Бич божий» не был дописан, общая схема его сюжета, вероятно, может быть реконструирована. Не последнюю роль в этом процессе должна сыграть расшифровка зооморфной символики романа.

Литература

1. Замятин Е.И. Избранные произведения. М., 1989.
2. Замятин Е.И. Сочинения. М., 1988.
3. Цит. по: Замятин Е.И. Сочинения. М., 1988.
4. Булгаков М.А. Собачье сердце // М.А. Булгаков. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 2. М., 1989.
5. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. Т. 2. М., 1992.